

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 76, No. 6-1, pp. 1079-1085, 2014

UDC 338.124.4

On Developing Trends in the Global Economy

Rafik A. Simonyan

Kuban State University, Russian Federation
Stavropolskaya street, 149, Krasnodar city, Krasnodar Krai, 354040
PhD student
E-mail: simonyan.raf@gmail.com

Abstract. This article addresses issues related to changes in the global model of production, which are associated with a change in the global economic paradigm, and attempts to characterize the primary causes behind crisis phenomena in the global economy.

Keywords: global economic crisis; market capacity; consumption growth; exhaustion of the current model; credit crunch (credit squeeze).

Введение. Мировая экономика в XXI веке развивается стремительными темпами. Такие темпы развития связаны с новыми технологиями, с развитием процессов интеграции и глобализации, с углублением интернационализации и разделения труда, с оперативным и безграничным распространением информационных потоков [1 – 6].

В системе международных экономических отношений все более значительную роль играют международные финансовые и экономические организации, транснациональные корпорации и банки. Современная мировая экономика в процессе почти непрерывного развития и совершенствования. Появляются новые организационные структуры, старые экономические образования адаптируются к текущим условиям экономической среды и трансформируются в более устойчивые и жизнеспособные организации. Экономические отношения становятся более системными и разнообразными, увеличивается роль компаний, внедряющих инновационные решения.

Неопределенность мирового развития нарастает. Классические конструкции – биполярность, моноцентризм, центр-периферия – принадлежат истории XX в.

Разбор причин и построение модели текущего экономического кризиса мировой финансовой системы уже многократно сделан людьми разбирающимися в этом. Основные споры продолжают идти между умирающей сегодня монетарной моделью, построенной на постоянной эмиссии, и австрийской, построенной на накоплении. На деле и та и иная модель не более чем механизм функционирования экономики ориентированный на определенную систему ценностей [7 – 10].

В настоящей работе рассматриваются вопросы изменения глобальной модели производства, связанных с изменением мировой экономической парадигмы.

Обсуждение. Изменения экономики в последние 10–15 лет вызвали глобальные перемены во всех сферах мировой модели (экономической, политической и финансовой), которые недостаточно учитываются как при оценке текущей ситуации, так и при прогнозировании. В настоящее время отсутствуют серьезное теоретическое обоснование

подобных изменений. Используемые модели описывают лишь отдельные компоненты этого процесса. Прогнозы противоречивы и носят преимущественно рефлексивный характер.

В настоящее время происходят серьезные и нарастающие изменения политического устройства мира. Идет распад монополярного устройства с постепенным формированием мультиполярного мира. Это характеризуется глубинными политическими процессами, девальвацией существующих мировых политических систем и соглашений (ООН, Ялтинские соглашения и пр.) за счет формирования и укрепления локальных (НАТО, ШОС). Политические процессы неизбежно оказывают влияние и на другие элементы, повышая их лабильность.

Аналогичные процессы идут в экономической сфере: предпринимаются попытки снижения роли доллара за счет повышения значения региональных валют, развиваются деструктивные процессы в сфере общемировых систем договоренностей (например, ослабление ВТО, валютные войны) в пользу региональных. Помимо традиционных (США, ЕС, Япония, «тигры ЮВА») укрепляются новые центры экономического влияния (Китай, Индия, РФ, Бразилия), появляются новые, агрессивные, игроки и производители (Вьетнам, Иран), растет общий производственный потенциал. Одним из последствий этого явилась смена ролей различных стран. Например, США становится все больше нетто-потребителем, Китай – кредитором и т.д.

Указанные процессы массового появления новых центров, роста объемов производства идут на фоне практически прежней емкости рынков. Новых (географических и технологических) рынков не появилось. Потенциальный рост общемирового потребления застопорился: в одних регионах (ОЭСР) замер и несколько снизился, в других (Китай, Индия, ЮВА) растет. Одновременно все более легким процессом становится тиражирование и расширение производства, исчезает понятие дефицита. Возникли ножницы между быстро растущим производством и прежним уровнем потребления в регионах с традиционно высоким потреблением. Соответственно, резко возросла конкуренция на существующих мировых площадках. Обострение конкуренции вызывает дополнительно увеличение рисков, которые и без того возросли вследствие изменений в глобальной производственной модели.

Изменение глобальной модели производства связано с изменением экономической парадигмы. Основной акцент в реальной экономике сместился с производителя (производить можно быстро и дешево) на потребителя (максимальный учет его запросов). Сегодня выигрывает тот, кто лучше удовлетворяет запросы потребителя. Если раньше основной схемой было «производство массового продукта с минимальными издержками», то в настоящее время – «максимальное удовлетворение требований потребителя за разумную цену». В условиях обостряющейся конкуренции необходимо не просто учитывать текущие запросы, но и предугадывать их изменения. Это ведет к непрерывному возрастанию неопределенности, повышает вероятность и стоимость ошибочных решений. Возрастание неопределенности приводит к возрастанию рисков при сбыте и, соответственно, при инвестировании.

Увеличение сложности конечных продуктов ведет к удлинению производственной цепочки. Выросло число необходимых технологических переделов (от 5–6 в середине XX века до 11–12 в современных изделиях). Увеличение числа переделов создает дополнительный объем промежуточных продуктов, увеличивает капитальные затраты и затраты при любых изменениях конечных продуктов. Необходимость быстро реагировать на динамические изменения спроса дополнительно подталкивает экономические риски к росту.

В настоящее время идет интенсивная перестройка реальной экономики. Возрастающую конкуренцию (дополнительную) крупным малоподвижным вертикально интегрированным корпорациям составляют небольшие предприятия, гибко использующие современные наработки. Существующие технологии обеспечивают быстрое внедрение достижений НТР в реальную экономику (время внедрения в цепочке «патент-конечный продукт» сократилось в 1,5–2 раза). Это, с одной стороны, при правильном вложении обеспечивает быструю прибыль, с другой – значительно увеличивает на всех уровнях стоимость и последствия ошибочных управленческих решений.

Формирующаяся экономика и ее отдельные элементы, благодаря новым технологиям, является менее энерго- и ресурсозатратной. Основная конкуренция разворачивается как вокруг материальных ресурсов, так и вокруг рынков сбыта. Увеличение же крена в сторону

рынков сбыта может способствовать снижению стоимости части прежних ресурсов (особенно в золотом эквиваленте).

Центральным принципом производства становится «роботизация», пришедшая на смену «автоматизации» XX и «механизации» XIX века. Это, с одной стороны, упрощает процесс тиражирования в производстве, с другой – резко увеличивает роль уникальных рабочих кадров и интеллектуальной (информационной) составляющей. Стоимость информационной составляющей в высокотехнологических продуктах непрерывно возрастает. Определение подобной стоимости плохо вписывается в стандартные балансовые процедуры, сильно зависит от рыночных настроений и подвержено высокой волатильности (кризис «доткомов»). Это, соответственно, дополнительно повышает экономические риски.

Подобная перестройка ведет в перспективе к формированию экономики нового типа – с распределенными мобильными элементами, низкими энерго- и материалозатратами, гибкими и эластичными связями, основанную на «умных» технологиях (следующий этап информационных) и росте интеллектуальной составляющей. Миниатюризация (нанотехнологии) это внешняя форма, но не суть новых решений.

В подобной перестройке нет принципиально нового, хотя этот процесс достаточно длительный и весьма затратный. Смены экономической парадигмы происходили неоднократно, затягиваясь на десятилетия (15–25 и более лет). При этом, для компенсации затрат, происходила мобилизация необходимых ресурсов (в основном извне, за счет освоения новых рынков, войн). Особенностью текущей смены формации является отсутствие новых рынков, ограничение резервов и, соответственно, дополнительные трудности в получении необходимых ресурсов. Преимущество в этой ситуации получают структуры, обладающие внутренними резервами и/или доступом к внешним финансовым источникам.

Однако финансовое обеспечение тоже приобрело новые очертания, а капитал приобрел новые свойства. Благодаря новым (в первую очередь информационным) технологиям он стал гораздо более мобильным, менее привязанным к материальным носителям, значительно шире использует фьючерсы и их аналоги, большое количество и объем новых финансовых инструментов (различные деривативы). Фактически, в современных условиях сформировался новый вид капитала – капитал информационной формации. Его высокая мобильность характеризуется одновременно возрастающей рыночной волатильностью.

Значительная (по многим данным – основная часть) современного капитала обращается в виртуальной сфере межбанковских и биржевых операций, формируя надстройку над реальной экономикой. Прибыльность виртуальной экономики, невзирая на высокие риски, обеспечивает ей преимущественное и ускоренное развитие, высокие объемы привлеченных капиталов. Безусловно, между реальной и виртуальной экономикой существует тесная связь. Именно ускоренное формирование виртуальной экономики обеспечило, в том числе, быстрый рост в реальном секторе, благодаря мощной кредитной экспансии. Возрастающий объем виртуальной финансовой части не только позволил ей занять лидирующее положение, но и ослабляет связь с реальной экономикой, создавая дополнительные трудности в регуляции. И без того не полностью адекватные монетаристские теории управления в данной ситуации увеличивают лаг между регулирующим воздействием и уже неадекватным ответом системы (вплоть до инверсной реакции).

В складывающейся экономической модели одновременно росли как риски экономические (управленческие), так и в прогрессирующей степени – риски финансовые. Ускоренный рост виртуальной составляющей эти риски мультиплицировал. Возрастающие суммарные риски (в первую очередь виртуальной составляющей) современной экономики заставили коммерческие финансовые структуры (ранее несшие основные затраты по оплате и хеджированию рисков) переносить их на государство и потребителей. Для государственных структур это обеспечение рисков означает фактическое увеличение обязательств перед финансовой структурой в целом (и банками в частности) и перед инвесторами. Увеличение обязательств носит различные формы (гарантии, займы, программы поддержки, может быть точечным или расширенным). Но в настоящее время

фактически во всех странах возможности бюджета исчерпаны, поддержка идет в рамках увеличения госдолга. Финансовые источники иссякают.

В целом, можно говорить о длительном процессе перестройки глобальной мировой экономики. Безусловно указанные процессы будут идти с неодинаковой интенсивностью и скоростью в различных регионах, странах и отраслях. Отдельные страны зоны и предприятия, попадающие в мейнстрим глобальной перестройки, показывают хорошие результаты, несмотря на растущие риски. Те, кто благополучно перенесет проблемы указанного периода, уже будут иметь серьезное преимущество в связи со снижением числа конкурентов. Те элементы, которые сумеют продемонстрировать высокую гибкость, конкурентоспособность и надежность будут получать возрастающее преимущество. В данной ситуации большие размеры и консерватизм (ассоциирующиеся ранее с надежностью) характеризуют скорее замедленную адаптацию. Особую роль приобретает точный прогноз и быстрые действия («лучше сегодня с точностью 80 %, чем завтра с точностью 100 %»).

Сложившаяся мировая экономическая модель (1980–2010 гг.) значительно отличается от предшествующей. Она характеризуется в первую очередь значительным увеличением доли финансовой составляющей. Если доля прибыли финансовых услуг у корпораций в прежней модели составляла около 10 %, то в современных условиях она возросла до 50–60 %. Капитал стремится к сектору наибольшей прибыльности, повышая свою концентрацию в сфере финансов (преимущественно виртуальной, как наиболее прибыльной) и свою роль в экономике. В существующей модели финансовая составляющая является определяющим элементом. Это с одной стороны обеспечивает повышенную интеграцию (как по вертикали, так и по горизонтали) и прибыльность в экономике при росте, с другой – дополнительную нестабильность (при кризисных явлениях).

В течение 1980–2010 гг. основной упор в развитии делался на устойчиво растущий спрос основной массы потребителей, стимулируемый как дешевеющими кредитами, так и возрастающим информационным давлением («покупай – или проиграешь»). В основе кредитной экспансии (особенно ускорившейся в США после 2000 г.) лежала залоговая ипотека. Упор на возрастание стоимости недвижимости, снижение стоимости кредита и его доступность приводила не только к бурному росту на рынке недвижимости, но и появлению новых форм кредитования (в т.ч. без погашения тела предыдущего кредита). Возрастающий потребительский спрос являлся базой для мультиплицирующего роста в других сегментах экономики и формированию там пузырей. Эти многочисленные пузыри, надуваемые современным высококомобильным капиталом, способны как к быстрому росту, так и не менее быстрому уменьшению.

Если раньше (например, в период Великая Депрессия) кредитная экспансия преимущественно охватывала отдельные группы сегментов экономики в группах стран, то в последние десятилетия она реализовывалась тотально на всех уровнях – на уровне потребителей, на уровне отдельных предприятий, отраслей, регионов и стран. Суммарные последствия экспансии (и, соответственно, долгов) на всех уровнях, благодаря особенностям современной виртуальной экономики, достигли 100–200 % ВВП и более. Такие размеры задолженности делают более чем сомнительным ее возврат.

Именно состояние глобальной финансовой сферы показывает глубину кризисных проблем в виде роста задолженностей на уровне государства. Определенный рост накопления (у состоятельных) не компенсирует снижения потребления (у основной массы потребителей). Идет размывание среднего класса со снижением доходов, возрастание разрыва между бедными и богатыми. Инфляция в этих условиях является неравномерной, концентрируясь в сферах сырья и виртуальных финансов. Особое значение имеет состояние денежного обращения. В настоящее время доллар все больше приобретает свойства финансовой пирамиды, а долларовая система все больше теряет доверие и устойчивость. В современных условиях взаимодействие «казначейство – ФРС» весьма напоминает тандем наперсточника с надежной «крышей» и подставным игроком (ФРС выкупает 70 % казначеек). Основной упор делается на общую заинтересованность в сохранении существующей глобальной финансовой (долларовой) системы. Однако принцип «лучше плохая – но существующая» отнюдь не гарантирует стабильности, скорее добавляя стратегических рисков.

Идет активный межгосударственный поиск вариантов поддержания текущего и создания новых форм денежного обращения, формирования региональных денежных систем. Поскольку альтернативы долларовому обращению в глобальном смысле пока не наблюдается, особое внимание привлекают суррогатные средства (например, обязательства МВФ), высоколиквидные активы и, особенно, драгметаллы. Золото, как наиболее консервативный актив (и потенциальная основа возвращения к «золотому стандарту»), уже занимает особое место. Можно с достаточной уверенностью прогнозировать дальнейший рост стоимости как всей корзины в целом, так и золота в особенности (как и многочисленные попытки манипуляций в этой сфере).

Согласно мнению австрийской экономической школы [8], в основе кризиса лежит кредитная экспансия, формирование избыточного инвестирования (промежуточного продукта) в рамках некорректного экономического развития и частичное (не 100 %) банковское резервирование.

В настоящее время мы наблюдаем все указанные элементы кризиса в глобальном и гипертрофированном варианте. Кредитная экспансия в возрастающих масштабах наблюдается в течение всего указанного периода практически во всех странах. Наблюдается не только значительный избыток производственных мощностей, но и дальнейшее массивное инвестирование в рамках прежней модели (например, Китай). Некорректность этого избыточного инвестирования вполне заметна на фоне перестройки экономики в рамках смены экономической парадигмы. Банковское резервирование является не просто частичным, а реально снижающимся. Значительная часть банковских резервов необходима для компенсации токсических активов, еще висящих на балансах. Имеет место глобальное снижение доли финансовых резервов и дальнейшее их исчерпание в рамках контрциклических мер. Благодаря особенностям виртуальной финансовой составляющей этот процесс может значительно ускориться.

Все основные попытки стабилизации и восстановления ситуации производятся (безусловно, с достаточным профессионализмом) строго в рамках и для сохранения существующей экономической модели. Расходятся время, силы и средства, запас которых ограничен. При этом, в череде пожарных мероприятий теряется из виду то, что сам кризис является кризисом всей системы. Если самое благоприятное развитие модели привело к таким масштабным последствиям, то, даже затратив огромные усилия и средства для ее восстановления, можно в лучшем случае только вернуть ее к моменту предкризисного положения (не к росту).

Текущее относительное благополучие в значительной степени обусловлено именно контрциклическими действиями и массивными финансовыми вливаниями. Источником этих средств являются уже не кредитные ресурсы, а преимущественно государственные бюджеты (и рост госдолгов). Хотя основная доля использованных средств ушла на погашение проблем в виртуальной части, реальная экономика тоже получила определенную долю. Именно это указывает на признаки экономического «восстановления». Однако в настоящее время резервы для программ стимуляции практически исчерпаны. Дальнейшее увеличение государственных долгов уже ставит под сомнение надежность государств, как должников и грозит дефолтами на национальном уровне.

Стратегический прогноз: Благодаря длительности текущих процессов и упорному противодействию им даже глубокие изменения зачастую будут происходить с небольшим количеством предварительных внешних признаков. Глобальность процесса отнюдь не подразумевает его одномоментность – это не цунами. Используя этот образ, можно резюмировать, что идет наводнение, на фоне которого формируется дополнительная, возможно, даже более сильная кризисная волна.

Оценка реальной экономической ситуации в глобальном масштабе затруднена вследствие целого ряда причин. Мешают правильному восприятию манипуляции со статистикой – от передергивания данных до их прямого искажения. В глобальной оценке нарушают правильную оценку то, что эксперты ориентируются, преимущественно, на балансовые показатели экономики (не отражают реальное состояние). В силу главенствующего положения более корректным является изучение финансового сектора (в частности, уровня задолженности). Наблюдение за казначейскими обязательствами и

состоянием рынка недвижимости, на наш взгляд, является наиболее информативным для правильной оценки текущей ситуации и прогноза.

Исходя из вышесказанного, можно сделать предположить, что запуск мировой экономики в прежнем режиме практически невозможен. Необходимо понимание, время и средства для глобальной перестройки всей экономической модели и ее элементов – финансовой, производственной, управленческой. В течение ближайших 2–3 лет, скорее всего, будет наблюдаться неравномерная стагнация глобальной экономики с отдельными провалами и элементами «зеленых ростков». В указанный период, возможно можно ожидать достаточно плавное снижение потребления сырьевых и энергоресурсов. Сложно рассчитывать, что отдельные элементы или страны возьмут на себя роль локомотивов (Китай) и/или смогут компенсировать снижающееся ресурсное потребление. Страны, обладающие более свободным и емким внутренним рынком, оказываются в более выигрышном положении.

В кредитной сфере в настоящее время нарастают риски, доходность растет незначительно (либо падает), доверие даже к консервативным инструментам значительно снижается. Дальнейшее развитие ситуации подразумевает значительное кредитное сжатие (обратная мультипликация) на фоне череды дефолтов разного масштаба (от отдельных предприятий до стран). Следует ожидать существенного снижения доступности финансовых ресурсов и попытки их компенсации (например, через эмиссию).

Выводы:

1. Текущие кризисные явления за счет смены экономической парадигмы, исчерпания текущей модели и возможностей кредитной экспансии накладываются на явления экономической и политической перестройки, усугубляя кризис (фактически, формируя условия для «абсолютного шторма»).

2. Наиболее существенными проявлениями и важнейшей основой кризиса является нарастающее несоответствие между снижающимся спросом и возрастающей конкуренцией, чрезмерная долговая нагрузка с угрозой дефолта всей мировой финансовой системы по принципу «домино».

3. Основным механизмом для очередного обострения ситуации предполагается кредитное сжатие с последующим дефицитом финансов и высоким риском долларовой гиперинфляции (для противодействия сжатию).

Примечания:

1. Аганбегян, А. Г. Социально-экономическое положение России и перспективы / А.Г. Аганбегян // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 6. С. 21-27.

2. Афонцев, А. Мировая экономика в поисках новой модели роста / А. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 3-12.

3. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. М.: УРСС, 2009. 240 с.

4. Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Мировая динамика: Закономерности, тенденции, перспективы. М.: УРСС, 2014. 488 с.

5. Нижегородцев Р.М., Стрелецкий А.С. Мировой финансовый кризис: Причины, механизмы, последствия. М.: УРСС, 2008. 64 с.

6. Акаев А.А., Ануфриев И.Е., Акаева Б.А. Авангардные страны мира в XXI веке в условиях конвергентного развития: долгосрочное прогнозирование экономического роста. М.: УРСС, 2013. 144 с.

7. Зомбанакис М.А. Причины и последствия мирового финансового кризиса: Выступление перед депутатами Государственной думы, аспирантами и студентами факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова 24 апреля 2009 г. Пер. с англ. М.: УРСС, 2009. 32 с.

8. F. A. Hayek *Monetary Theory And The Trade Cycle*. New York, Sentry Press, 1933. P. 242.

9. Л.А. Мендельсон Теория и история экономических кризисов и циклов. Том 3, М.: Соцэкгиз, 1959. 527 с.

10. <http://cbr.ru/analytics/>

References:

1. Aganbegyan, A. G. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii i perspektivy / A.G. Aganbegyan // Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie. 2013. № 6. S. 21-27.
2. Afontsev, A. Mirovaya ekonomika v poiskakh novoi modeli rosta / A. Afontsev // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. S. 3-12.
3. Korotaev A.V., Khalturina D.A. Sovremennye tendentsii mirovogo razvitiya. M.: URSS, 2009. 240 s.
4. Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.Yu. Mirovaya dinamika: Zakonomernosti, tendentsii, perspektivy. M.: URSS, 2014. 488 s.
5. Nizhegorodtsev R.M., Streletskii A.S. Mirovoi finansovyi krizis: Prichiny, mekhanizmy, posledstviya. M.: URSS, 2008. 64 s.
6. Akaev A.A., Anufriev I.E., Akaeva B.A. Avangardnye strany mira v XXI veke v usloviyakh konvergentnogo razvitiya: dolgosrochnoe prognozirovanie ekonomicheskogo rosta. M.: URSS, 2013. 144 s.
7. Zombanakis M.A. Prichiny i posledstviya mirovogo finansovogo krizisa: Vystuplenie pered deputatami Gosudarstvennoi dumy, aspirantami i studentami fakul'teta mirovoi politiki MGU im. M.V.Lomonosova 24 aprelya 2009 g. Per. s angl. M.: URSS, 2009. 32 s.
8. F. A. Hayek Monetary Theory And The Trade Cycle. New York, Sentry Press, 1933. P. 242
9. L.A. Mendel'son Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiklov. Tom 3, M.: Sotsekgiz, 1959. 527 s.
10. <http://cbr.ru/analytics/>

УДК 338.124.4

О развивающихся тенденциях в мировой экономике

Рафик Арсенович Симонян

Кубанский государственного университет, Российская Федерация
354040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
аспирант
E-mail: simonyan.raf@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изменения глобальной модели производства, связанных с изменением мировой экономической парадигмы, предпринята попытка охарактеризовать основные причины, которые приводят к кризисным явления в мировой экономике.

Ключевые слова: кризис мировой экономики; емкость рынков; рост потребления; исчерпания текущей модели; кредитное сжатие.